

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

выходить въ г. Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздничныхъ.

ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: в Томске: в конторѣ редакціи (ул. Деорлянской и Ямского пер., д. «Сибирскаго Т—ся Угаситио Дма») и въ книжномъ магазинѣ Н. Н. Макушина; в Петербургѣ: въ конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°, Большая Морская гл., д. № 11, Торговаго Дома Вруно Валентини, Екатерининскій каналъ, № 18—27; в Москвѣ: въ центральной конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°, Мясницкая улица, домъ Сытова; в Варшавѣ: въ конторѣ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°, Маршалковская, 139; в Бермудѣ: въ книжномъ магазинѣ В. К. Сохарева.

Разсрочка годовой платы не допускается.

Разсрочка годовой платы не допускается.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 12 мѣсяцевъ въ Томскѣ и другихъ городахъ	6 р. — к. за границу	10 р. — к.
» 9 » » » » » »	4 р. 75 к. » »	8 р. — к.
» 6 » » » » » »	3 р. 50 к. » »	6 р. — к.
» 3 » » » » » »	1 р. 80 к. » »	3 р. 50 к.
» 1 » » » » » »	— р. 60 к. » »	1 р. 20 к.

Подписка считается с 1-го числа каждого месяца.

За перемѣну адреса иногородняго на иногородній взимается 35 коп.

Такса за объявления: за строку петита впереди текста 20 к., позади 10 к.

Для многогороднихъ за строку петита впереди текста 30 н., позади 15 н.

Объявленія прислуги и рабочихъ 20 коп. за три строки.

За прилагаема къ газетъ объявленія въ Томскъ—5 руб., иногороднимъ 7 р. за тысячу экземпляровъ вѣсомъ не болѣе одного лота.

Контора отирыта ежедневно съ 8-ми часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, кромѣ праздниковъ. Телефонъ № 470.

Редакция для личных объяснений съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 5 до 6 ч. веч.

Присылаемые въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

Цена № въ
гос. Томскѣ 4 коп.

Цена № въ 5 коп.
др. городахъ

„Три сестры“

(Открытие дѣятельности новаго любительскаго кружка въ новомъ помѣщеніи желѣзнодорожнаго собранія).

Торжественный первый спектакль на новой для Томска сценѣ оправдалъ, къ сожалѣнію, старую русскую поговорку: «Первый блинъ комомъ». Шли «Три сестры» Чехова, одна изъ такихъ пьесъ, къ которымъ нужно относиться съ особенной осторожностью и чуткостью: слишкомъ тонокъ и нѣженъ узоръ Чеховскаго рисунка, слишкомъ сдержанны и интимны коллизіи его драмъ...

При взглядѣ на афишу о спектаклѣ мы видѣли рядъ именъ довольно опытныхъ и не лишенныхъ дарованія любителей и любителейницъ мѣстныхъ сценъ и вслѣдствіе этого имѣли основаніе думать, что спектакль пройдетъ болѣе или менѣе удачно. Но мы ошиблись. Съ перваго акта и до послѣдняго ясно ощущалось отсутствіе твердой и талантливой режиссерской руки; пьеса шла неровно, разрозненно, мѣстами вяло, исполнители скользили какъ-то по поверхности, да и то неуверенно, несвободно... Режиссеръ не сумѣлъ сообщить имъ стройность и цѣлостность ансамбли, не сумѣлъ вдохнуть въ нихъ душу живую. Главнымъ виновникомъ неудачи спектакля мы считаемъ режиссера именно потому, что тѣ-же самые исполнители могли играть гораздо лучше: прекрасные, художественные моменты не разъ прорывались въ игрѣ г.г. Петровой (Ольга), Познанской (Маша), Невской (Ирина), Богдановича (Вершининъ), Инсарова (Соленьный) и др., но эти моменты гасли быстро, какъ искры, и исполненіе снова становилось нуднымъ, блѣднымъ. Но самую значительную вину режиссера мы видимъ въ томъ, что артисту, игравшему роль Андрея Prozорова, онъ позволилъ выйти на сцену, не смотря на то, что тотъ былъ явно въ нетрезвомъ видѣ. Изъ деликатности мы не назовемъ фамиліи этого исполнителя, но считаемъ недопустимымъ его появленіе на сценѣ: играть, едва держась на ногахъ, это—непорядочно, некрасиво, это уже прямое глумленіе надъ Чеховымъ, надъ сценой, надъ публикой; однако отвѣтственность за это глумленіе падаетъ не на исполнителя (вообще говоря, далеко не бездарнаго), а всецѣло на режиссера, осмѣливашагося ставить спектакль съ артистомъ, который путалъ слова, перевирая цѣлыя фразы занкался, шатался, а въ четвертомъ актѣ, шатаясь, едва не своротилъ декораций... Дальше этого идти уже некуда. Это предѣлъ, его же не преjdeши. И по нашему твердому убѣжденію режиссеръ долженъ быть пожертвовать всѣмъ, лишь-бы только отмѣнить спектакль и избѣжать такого безобразія!

Внѣшнюю сторону спектакля должно признать прекрасной: новыя декорации и обстановка очень хороши, а садъ и крыльцо дома въ четвертомъ актѣ прямо великолѣпны.

Еще одна отрицательная черточка: непозволительно позднее начало и утомительные длинные антракты, вслѣдствіе чего спектакль закончился во второмъ часу ночи.

П. бланки было очень много

Г. В.